

и после букв *ж* и *ш*». Данная орфограмма отражает историческую мягкость шипящих и относится к исторической. В русском языке действует правило: «*жи* и *ши* пишется с буквой *и*», которое следует запомнить: *жизнь*, *жираф*, *шитьё*, *шиповник*. В современном белорусском языке в данном случае согласно фонетическому принципу необходимо писать после *ж* и *ш* букву *ы*: *жыццё*, *жырафа*, *шыццё*, *шыпшына*.

Интерес представляет также такая орфограмма русского языка, как «удвоенные буквы, обозначающие недолгие согласные в корнях заимствованных слов». Написание слов с данной орфограммой, не имеет способов проверки, его необходимо запоминать и в случаях необходимости обращаться к словарю: *аллея*, *класс*, *масса*, *касса*, *группа*.

Следует отметить, что в белорусском языке при написании подобных заимствованных слов действует фонетический принцип и на месте этимологически удвоенных букв согласных пишутся одиночные: *алея*, *клас*, *маса*, *група*, что негативно влияет на восприятие аналогичного материала в русском языке.

Преподавание русского языка в Республике Беларусь осуществляется в условиях белорусско-русского двуязычия, при этом необходимо учитывать влияние белорусского языка на русский на всех языковых уровнях: на занятиях по культуре речи следует находить отклонения от орфоэпических, акцентологических, морфологических или синтаксических норм, связанных с отклонением от языково-речевых норм одного языка под влиянием другого. Для повышения уровня русской орфографической грамотности необходимо сопоставлять русский орфографический материал с орфографическим материалом белорусского языка, что позволит усвоить отличия, имеющиеся в орфографических системах близкородственных языков.

Библиографические ссылки

1. Русский язык в Белоруссии [Текст] / ред. А. Е. Михневич. Минск : Наука и техника, 1985. 272 с.

Альшевская А. С. (Минск)

Антропоморфизация и антиантропоморфизация фольклорно-мифологических персонажей в русском фэнтези XXI в.

Трансформация фольклорно-мифологических персонажей в литературе является достаточно неисследованной областью в научном дискурсе. Основная цель данного исследования – выделить и проанализировать основные тенденции модификации данных персонажей в русском фэнтези XXI в.

Анализ данных произведений показал наличие двух противоположных тенденций модификации персонажей: антропоморфизация (очеловечивание) и антиантропоморфизация (процесс превращения человека в «нечеловека»).

1. Антропоморфизация. В русском фэнтези XXI в. наблюдается смещение литературного образа-персонажа Кощея в сторону внешней и/или внутренней антропоморфизации по сравнению с волшебной сказкой. Если говорить о внешней антропоморфизации, то выглядит Кощей, как человек: может быть старым или молодым, с физиологической точки зрения смертным или бессмертным. Внутренняя антропоморфизация – это наделение данного персонажа психологическими свойствами и качествами обычного человека. Так, в романах Е. Никитиной «А что вы хотели от Бабы-яги» и «Баба-яга Бессмертная», а также в романе О. Громыко «О бедном Кошее замолвите слово» эпитет «Бессмертный» уже не указание на его бессмертность, а фамилия княжеского рода магов, к которому он принадлежит. Кощей теряет свою бессмертность, следовательно, приобретает жизненный цикл обычного человека: рождение, взросление, старость, смерть. Именно с этим связано появление образа молодого Кощея в романах Е. Никитиной и О. Громыко.

В остальных романах антропоморфизация затрагивает либо определенные качества личности Кощея (например, в романе И. Бобровой «Наше величество Змей Горыныч» временная смерть меняет мировоззрение Кощея, а он сам эволюционирует в положительного героя), либо изменяется социальный статус данного персонажа, как в цикле романов А. Белянина «Тайный сыск царя Гороха», где Кощей – местный криминальный авторитет.

Образ Бабы-яги в художественной литературе также трансформирован в сторону большей степени антропоморфности. В итоге умение колдовать – единственная характеристика, являющаяся неизменной для данного образа. В первую очередь это отразилось на портретной характеристике Яги: если для народной сказки характерно гротескное изображение старой безобразной старухи с костяной ногой, то литературное описание ее портрета ближе к объективной реальности. Например, в романе В. Жарикова «Четырнадцатое, суббота», а также в повести братьев А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» Баба-яга изображена как просто древняя старуха. Помимо демонического образа Бабы-яги можно выделить еще и эстетически прекрасный, например, в повести А. Аливердиева «У Лукоморья» и в рассказе А. Гравицкого «Ягодка». Эстетический прекрасный образ – идеализированный образ молодой Яги. Так, в повести А. Аливердиева

у неё «дивные золотые волосы, волнами спадающие с изумительных плеч и сияющие зеленые глаза» [1, с. 4]. А в романе Е. Никитиной «А что вы хотели от Бабы-яги» Яга выступает в роли антропоморфного нарратора (повествователя).

В современном фэнтези можно выделить антропоморфный и антропоморфно-зооморфный типы образа Дракона (Змея). Для антропоморфно-зооморфного характерно сочетание зооморфной внешности с вполне человеческим поведением, например, в романе И. Бобровой «Наше величество Змей Горыныч», а также в романе Д. Мансурова «Молодильные яблоки».

Если говорить об антропоморфном типе, то в этом случае драконы представляют собой отдельный биморфный (*би-* – два; *морф-* – форма) народ, для членов которого характерен ассиметричный биморфизм: антропоморфная ипостась является доминирующей по отношению к зооморфной, например, в фантастическом романе О. Силаевой «Драконье лето». А в романе русскоязычной украинской писательницы О. Воскресенской «Великий ужас. Кровь драконов» представлены целые драконьи семьи, в которые входят те, кто может находиться в драконьей ипостаси дольше, чем остальные, следовательно, основная их ипостась – человеческая. В жизни драконов-людей те же перипетии и проблемы, что и в обычном человеческом мире: любовь, борьба за власть, интриги, проблемы отцов и детей и т. п.

В русском фэнтези (например, в цикле романов А. Беянина «Тайный сыск царя Гороха», в романе В. Жарикова «Четырнадцатое, суббота», М. Михайлова «Кольцо Кощея» и др.) такие персонажи, как русалки, домовые, лешие, водяные, также приобретают большую степень антропоморфности. Для выше перечисленных персонажей свойственна индивидуализация характеров (например, ревнивый домовый-азербайджанец в цикле романов А. Беянина), деятельность и увлечения, свойственные людям (играют в шахматы, учат иностранные языки и т. п.), взаимоотношения как в человеческом мире (любовь, дружба и т. п.) и т. д.

Гномы, эльфы, тролли, орки, гоблины представлены в литературе как отдельные народы. Например, в знаменитой трилогии английского писателя Дж. Р. Толкина «Властелин колец» и повести «Хоббит, или туда и обратно». В романе русскоязычной украинской писательницы О. Воскресенской «Великий ужас. Кровь драконов» драконы, эльфы, василиски – это антропоморфные народы, имеющие помимо семейных взаимоотношений свою социальную иерархию: правители, придворная знать, простой народ. Отметим, что наиболее распространенным в русскоязычном фэнтези является заимствованный

из английской литературы и фольклора образ эльфа: А. Лисина «Темный эльф. Хранитель», Н. Мазуркевич «Эльфийский для начинающих».

2. Антиантропоморфизация. Ранее данный процесс имел негативную семантику. Так, вампир (упырь) – негативный персонаж в фольклорных легендах, быличках, в литературной балладе И. Гёте «Коринфская невеста», где героиня произведения возвращается с того света и выпивает кровь своего жениха, в рассказах А. К. Толстого «Упырь», «Семья вурдалака», в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», где Гелла – девушка-вампир. Образ русалки-утопленницы также негативный в фольклоре и в большинстве литературных произведений (рассказ И. Тургенева «Бежин луг», поэма А. Пушкина «Русалка» и др.).

Процесс зооморфизации – разновидность антиантропоморфизации, в результате которой происходит превращение человека в «нечеловека». Например, в рассказе «Дракон» Е. Замятин, сравнивая петербуржцев с драконами, а красноармейца изображая в виде дракона с винтовкой, подчеркивает звериную сущность людей. У В. Пелевина в романе «Жизнь насекомых» представлены разные типы людей в виде насекомых. Так, автор изображает «новых русских», стремящихся наладить бизнес по продаже крови, комарами; отца и сына, для которых весь мир – навозный шар, – в виде жуков-скарабеев. В романе-сказке «Белка» А. Ким изображает мир людей-оборотней. В центре повествования находится образ человека-белки, мучительно переживающего свою неполноценность. Животное воплощение показывает истинную сущность персонажей, их вырождение как людей, лишение духовной сущности.

В XXI в. происходит смена семантики персонажей, возникших в результате антиантропоморфизации, с отрицательной на положительную. Так, в отдельных романах фэнтези человек в результате определенных воздействий становится Кощеем, теряя многие свойства, характерные для человека, например, смертность. Приобретение человеком подобных суперспособностей происходит, как правило, под воздействием определенного предмета: в трилогии Ю. Буркина и С. Лукьяненко «Остров Русь» благодаря действию трансформатора, способного создавать определенное поле, трансформирующее людей в фольклорных персонажей, в цикле фантастических романов Дм. Мансурова («Кощей», «Бессмертный») Кощей – это потерявший память ученый, бессмертие которого – результат воздействия прибора, способного менять прошлое. В романе М. Михайлова «Кольцо Кощея» главного героя сделало Кощеем волшебное кольцо. Во всех романах доминирует положительный образ Кощея, за исключением трилогии «Остров Русь».

В романе русскоязычных белорусских писателей А. Жвалевского и Евг. Пастернак «Правдивая история Деда Мороза» главный герой Сергей Морозов вместе с женой попадает под волшебный снег. В результате супруги становятся Дедом Морозом и Снегурочкой. Мороз получает способность представлять и материализовать в реальность подарок, который хочет получить ребенок. Он возник по аналогии с образом Санта Клауса.

Появляется также положительный образ вампира. С. Антонов, изучив проблему психологизации и этизации образа вампира в последнее время, начиная с романа американской писательницы Э. Райс «Интервью с вампиром», отмечает: «Душевные терзания главного героя из-за своего вынужденного кровопийства, деление вампиров на плохих и хороших уже открыто включают героя в систему человеческих ценностей, радикально ревизуя тем самым классический вампирический канон» [2, с. 83].

Российский писатель-фантаст С. Лукьяненко в пенталогии «Дозоры» отобразил мир Иных, произошедших от людей и делящихся на Светлых (белые маги, целители, пророки) и Тёмных (вампиры, оборотни, ведьмы, черные маги). В данном произведении вампиры, как и люди: есть те, кто нарушает установленный закон («плохие»), а есть те, кто его соблюдает («хорошие»), например: «Костя, хороший умный парень, студент физфака МГУ, имевший несчастье родиться живым мертвецом» [3, с. 41], при этом он характеризуется как «болезненно моральный юноша» [3, с. 43].

В серии романов «Сумеречной саги» американской писательницы Ст. Майер, рассказывающей о любви обычной девушки Бэллы Свон и вампира Эдварда Каллена, вампиры также делятся на хороших и плохих. Хорошие – это те, кто не пьет человеческой крови (так называемые вегетарианцы), а плохие убивают ради утоления жажды крови, не чувствуя при этом угрызений совести.

Главный герой романа В. Пелевина «Ампир V» вампир-новичок, который сначала с интересом пытается познакомиться с миром вампиров, а затем просто вынужден смириться со своим вампирским существованием, которое не смогло сделать его монстром. Так, Рама замечает: «Я подумал, что все-таки не стал еще чертом до конца, поскольку мне не нравится происходящее» [4, с. 154]. В романе мир вампиров полностью дублирует мир людей. Здесь тоже есть своя социальная иерархия. Например, у начальства более свободный, чем у молодых вампиров, доступ к «баблосу» – напитку, созданному из энергии, которую производят люди мыслями о деньгах. Как видим, автор изображает потребительское общество, где человеком управляет

вампира, а вампиром – «язык», особая сущность, с помощью которой вампир может читать мысли других.

Трансформация образов связана, в первую очередь, с постмодернистской тенденцией к деконструкции уже существующих образов, причем чаще всего в сторону их антропоморфизации, причем наблюдается не только увеличение степени очеловечивания антропоморфных персонажей, но и антропоморфизация зооморфных (например, образа Дракона (Змея)). Изначально тенденция к антиантропоморфизации (зооморфизации) персонажей имела негативную семантику и часто выступала как маркер деградации человека. Затем в XXI в. произошла смена семантики с отрицательной на положительную, что, вероятно, связано, согласно мнению И. Морозова («Феномен куклы в традиционной и современной культуре»), с востребованностью у читателей фэнтези нового типа персонажа, «человека будущего», обладающего как интеллектуальными, так и физическими сверхспособностями и даже бессмертием.

Библиографические ссылки

1. Аливердиев А. Баба Яга // Звездная дорога. Красногорск, 2000. № 12. С. 131–140.
2. Антонов С. А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // Гость Дракулы и другие истории о вампирах. Антология. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2009. С. 5–86.
3. Лукьяненко С. В. Ночной дозор. Фантаст. роман. Лукьяненко С. В., Васильев В. Н. Дневной дозор : Фантаст. роман. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. 762 с.
4. Пелевин В. О. Ампира V. М. : Эксмо, 2010. 416 с.

Анцімонік А. В. (Мінск)

Асноўныя аспекты рэалізацыі феномена кахання як праявы экзістэнцыі ў паэзіі маладой генерацыі сучаснай беларускай літаратуры

У аксіялагічнай сістэме паэтаў маладога пакалення (паняцце «малады» тут умоўнае, слаба звязанае з фізічным узростам) [1, с. 45–46] каханне займае адну з галоўных пазіцый. Звязаная з гэтым феноменам паэтыка інтымнай і філасофскай лірыкі аўтараў (у артыкуле – В. Жыбуль, Зм. Вішнёў, А. Хадановіч, В. Трэнас, В. Рыжкоў, В. Гапеева, Ц. Велет, В. Морт, Н. Кудасава, Ю. Цімафеева), як правіла, вылучаецца дамінаваннем выразнага драматычнага пафасу. З уласцівым маладосці максімізмам творцы схільныя надзяляць больш увагі эсхаталагічным матывам, спалучаным са з’явай кахання, чым вітальным. Пры гэтым рэпрэзентуюцца ўсе магчымыя варыянты любові: ад неўзаемнай / хваравітай да рэалізаванай / шчаслівай. Што цікава, амаль ва ўсіх